

Статьи и сообщения

**ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 ГОДА:
ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛЬНОГО И ОЖИДАЕМОГО**

О.В. Натолочная

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматривается денежная реформа 1947 года в контексте противоречий планов и реалий.

Ключевые слова: денежная реформа, СССР, 1947 год.

С окончанием Великой Отечественной войны был отменен военный налог, сократилось перечисление компенсации за неиспользованные рабочими и служащими отпуска в качестве специальных вкладов в сберкассы, прекратилось добровольное поступление средств в фонд Красной Армии. Это привело к негативному изменению в финансовой системе страны. Инфляционные процессы, усугубляемые критической ситуацией на потребительском рынке, расширение зоны натурального обмена свидетельствовали о прогрессирующем обесценивании рубля и ставили под угрозу срыва программу восстановления экономики.

Первой попыткой поправить финансовое положение страны стал государственный заем, выпущенный в мае 1946 г. Общая сумма займа составляла 20 млрд. рублей (12,5 млрд. руб. - на городское население и 5,5 млрд. руб. - на сельское) [1]. Несмотря на предупредительные рекомендации наркома финансов А. Г. Зверева о проведении массово-разъяснительной работы [2], психология перегиба давала свои очередные рецидивы: правилом становились случай вызова работников для «бесед» в парткомы и завкомы, после чего оформлялась «добровольная» подписка на заем в размере недельной, месячной, а иногда и двухмесячной зарплаты.

Следующим шагом в налаживании нормального денежного обращения страны должна была стать денежная реформа 1947 г. Изначально денежная реформа была поставлена в зависимость от другой акции - отмены карточной системы. Отмена карточек, превратившихся в своеобразный символ военных лет, должна была, по мнению советских руководителей, продемонстрировать силу и выносливость советской экономики. А для этого необходимо было провести акцию отмены раньше, чем в других странах, вынуж-

денных во время войны тоже прибегнуть к нормированному снабжению населения. К числу таких стран принадлежали Англия, Франция, Италия, Австрия. Первоначально отмена карточек планировалась на 1946 г. [3], но продовольственный кризис заставил отодвинуть реализацию этого решения.

В обыденном сознании война и карточки оказались слитыми таким тесным образом, что сохранение карточек рассматривалось почти как главная причина продовольственных трудностей военных лет. Идея отмены карточек в народе приобрела еще большую популярность после повышения в 1946 г. пайковых цен. Достаточно типичными были высказывания такого рода: когда же отменят карточную систему или хотя бы откроют коммерческую торговлю хлебом и крупой? [4] Когда будет хлеб, тогда снизятся цены и на другие продукты на рынке [5].

Однако, были и другие высказывания: «Сейчас тяжело с хлебом, недостает, - приводил свои аргументы забойщик шахты из Челябинской области Ковалев, - а если отменят карточки, то может быть еще хуже. Спекулянты будут делать свое дело, и мы можем остаться без хлеба» [6].

У идеи отмены карточной системы, как видно, были и сторонники, и противники. Сам факт отмены карточек в конце 1947 г. не был неожиданным. Действительную растерянность большинства людей вызвала денежная реформа.

Реформа, вспоминал А.Г. Зверев, готовилась в обстановке строгой секретности под личным контролем Сталина [7]. Задуманная как антиинфляционная мера, она на практике свелась к рестрикционному мероприятию, т.е. изъятию у населения так называемых «лишних» денег, прежде всего, наличных. Считалось, что в результате реформы пострадают спекулятивные элементы, а трудящиеся останутся в выигрыше. Что же произошло на самом деле?

Тайна информации о реформе была довольно быстро нарушена. «На местах, - вспоминал Зверев, - после получения специального пакета с документами о денежной реформе, на которой стоял гриф «Вскрыть только по получении особого указания», у отдельных местных сотрудников любопытство перетянуло служебный долг. Пакеты были вскрыты раньше времени [8]. Таким образом, некоторые хозяйственные и партийные работники узнали о реформе накануне, что позволило им принять предупредительные меры и обезопасить наличность. Еще раньше на предстоящую реформу отреагировали «теневики», переведя большую часть своих денег в золото, драгоценности, недвижимость. Слухи о реформе, особенно накануне (реформа была проведена в ночь с 14 на 15 декабря 1947 г.) просочились и в народ. Началась предреформенная лихорадка.

«Уже несколько дней народу на улицах тьма, - описывает это время В. Кондратьев, - все магазины – и коммерческие, и комиссионные, и промтоварные – облеплены очередями. Позавчера на бывшей Никольской в магазине «Оптика» брали нарасхват бинокли. Мечту всех командиров на фронте покупали теперь какие-то бабенки, мужички, и брали не один-два – десятками – по сто рублей за штуку. Ну а вечером рестораны коммерческие штур-

мовали с боя, крики, брань. А кто-то просто последние сотни-две решил спустить, потому, как начнется новая жизнь, с новыми деньгами и без карточек, чего уж старые деньги беречь» [9].

Положение несколько прояснилось на другой день после реформы: на прилавках коммерческих магазинов (в основном столичных) появилось почти довоенное изобилие. Однако, при этом цены на многие потребительские товары массового спроса, в том числе на одежду, обувь, трикотажные изделия значительно увеличились по сравнению с пайковыми [10]. Цены на продовольственные товары были в целом выше довоенных и недоступными для большинства населения. Реформа чувствительно ударила по рабочим и крестьянам, по тем группам населения, средства и сбережения которых редко носили форму вкладов в сберкассы и были представлены в основном наличностью. По расчетам экономиста А. Улюкаева, сумма вкладов на тот момент времени была в 14–15 раз меньше годового фонда заработной платы рабочих и служащих [11].

Несмотря на то, что реформа сократила объем наличных денег у населения, с ее помощью так и не удалось ликвидировать диспропорцию между спросом и предложением. Если в столичных городах удавалось поддерживать необходимый уровень товарных запасов (по этому поводу было принято специальное постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1947 г.), то в других городах и регионах положение на потребительском рынке складывалось критическое. Причем, в разряд дефицитных товаров попадал, прежде всего, хлеб. В результате на местах стихийно начала восстанавливаться нормированная система снабжения – в виде карточек, заборных книжек, специальных пропусков.

Письма рабочих в ЦК ВКП(б), газету «Правда» свидетельствуют о реальном состоянии дел со снабжением после отмены карточной системы: «В очередях у хлебных магазинов происходит ужасная картина, установили «десятки», выделили бригадиров и наблюдателей у входа. Рабочий получает на 3-4 суток 2 кг хлеба (г. Семипалатинск); «В городе Спасске, чтобы получить хлеб, надо отстоять в очереди с утра и до следующего утра»; «Я инвалид войны, ввиду своего положения не могу лезть в давку, и потому моя семья из 5 человек и я вот уже 10 дней не видим хлеба. Рязанская область) [12].

Отмена карточек не оправдала связанных с ней надежд: жизнь в одночасье не переменилась. Многие верили, что достаточно принять одно правильное решение и все трудности военного времени останутся позади. Отмена карточек в массовом сознании и была образцом этого единственно правильного решения. Отрицательный эффект денежной реформы усилил фактор неготовности населения к снижению жизненного уровня. Все усилия государственной пропаганды были направлены на то, чтобы подать реформу как очередной свидетельством заботы партии и правительства о народном благе. Было возможным принять специальные меры по смягчению социальных последствий обмена денег для малообеспеченных слоев населения. Эти меры приняты не были.

Реальное и идеальное пришли в противоречие, на основе которого сформировался комплекс «обманутых надежд». Поскольку этот комплекс возникает на совершенно определенной почве – как реакция на конкретную реформу – то обыденное сознание и фиксирует его совершенно конкретно – по отношению к реформе. В результате обобщения у людей формируется отношение людей уже не к конкретной реформе, а к реформам вообще, и к денежным реформам в особенности, как к акту с непредсказуемыми последствиями. Установка на то, что в результате реформ все изменится к лучшему, постепенно меняется на осторожно-предупредительную – как бы не было хуже. Подобная трансформация не означает, что надежда на лучшее, как субъективная реальность перестает существовать. Она просто меняет условия своего существования: опасения «как бы не было хуже» усиливают в общем восприятии действительности элемент пассивности. Этот элемент становится тормозом развития процесса общественных преобразований [13].

Можно утверждать, что эмоциональный подъем, охвативший общество после победы, мог стать самым благоприятным психологическим фоном для проведения прогрессивных преобразований. Но при условии, что эти преобразования будут инициированы «сверху». Со своей стороны «центр» нуждался в импульсе снизу. Нужна была общественная сила, которая взяла бы на себя роль «возмутителя спокойствия» и достаточно четко сформулировать свои требования. Только в таком обоюдном контакте мог быть запущен механизм реформ.

Важно было определить и направленность будущих реформ – реставрационную или инновационную. Этот выбор зависел от того, какая психологическая установка одержит верх – та, что нацелилась на восстановление довоенного порядка (жить, как до войны) или та, что определяла собой движение вперед.

И все-таки наиболее благоприятный момент для начала реформ был упущен. Используя кредит доверия народа и ситуацию приоритетности восстановительных задач, власти откладывали принятие решений, способных заложить основы будущей модернизации. Вместо курса на обновление общества народу была предложена концепция «временных трудностей», которые, если следовать логике центра, должны были разрешиться сами собой. Ход удался: настроения людей, несмотря на наличие острых критических высказываний, более тяготели к согласию «еще потерпеть», т.е. к осознанному пониманию реальных сложностей послевоенного времени. Так произошло совпадение интересов: нежелание кардинальных перемен со стороны центра и готовности народа с этими переменами «повременить».

Таким образом, был достигнут общественный консенсус. Но он не мог быть долговременным, поскольку сама концепция «временных трудностей» предполагала исчерпание этих трудностей. Рано или поздно должен был приблизиться критический момент, связанный с исчезновением объективной обусловленности периода выжидания. Хронологически он пришелся на рубеж 1947–1948 гг.

Примечания:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.599. Оп.1. Д.424. Л. 10.
2. Там же.
3. Маленков Г. Информационный доклад о деятельности Центрального Комитета ВКП(б) на совещании представителей компартий в Польше в сентябре 1947 г. М., 1947. С. 20.
4. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.518. Л.7.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.425. Л. 3
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.517. Л. 7.
7. Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 233.
8. Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 235.
9. Кондратьев В. Старые ворота. Повесть. М., 1980. С. 146.
10. Аксенов Ю., Улюкаев А. О простых решениях непростых проблем. //Коммунист. 1990. № 6. С. 83.
11. Там же. С. 80.
12. Улюкаев А., Аксенов Ю. Легенды об одной реформе // Неделя. 1990. № 19. С.16.
13. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993. С.50.